

П. А. Голубевъ.

Введеніе — — — — — — — — — — — ВОЛИ.

Разсказъ заводскаго крѣпостного.

Цѣна 15 коп.

ИЗДАТЕЛЬ.
Типографъ А. А. Славянского.
1911 г.

Введеніе воли.

Разсказъ заводскаго крѣпостного.

До воли. Заводовладѣльцы и управляющіе. Объявленіе манифеста, выдача уставной грамоты. Устройство волости, волостные сходы и первые волостные начальники. Сѣйна перзаги старшины за угодищество конторы. Выборъ старшины С. Д. Сорокина. Борьба волости съ конторой сначала въ буждныхъ сношеніяхъ, затѣмъ при заключеніи условій. Волость стала на защитѣ заводскихъ рабочихъ, а мировой посредникъ на защитѣ конторы. Отказъ заводскимъ въ работѣ изъ-за не подписанія условій. Остаточка закона. Увольненіе изъ старшинъ Сорокина и отдача подъ судъ. Отказъ волости отъ выбора новаго. Назначеніе старшиной безъ выборовъ Макс. Горбуновъ; чрезъ полтора года избавленіе отъ него. Волостное базначіе. Показаніе котораго народнаго любимца, писаря Горшкова. Частая сѣйна старшинъ. Увольненіе Горшкова посредникомъ Сунгуровымъ. Неподчиненіе волости этому распоряженію и оставленіе Горшкова писаремъ. Пріѣздъ исправника. Арестъ Горшкова полиціею, освобожденіе его народомъ и подвораніе въ гравію. Призывъ изъ губерніи войскъ. Поляженіе двухъ ротъ ржевскаго полка. Встрѣча ихъ заводскимъ начальствомъ и народомъ. Неудачная попытка рабочихъ делегатовъ въ Петербургъ къ Веймару. Вѣнскій походъ у вѣновскихъ. Судъ и арестантскія роты руководителями и роты для остальныхъ участниковъ.

Исполняется 50 лѣтъ отмѣны крѣпостного права. Тяжелое это время со всѣми ужасами произвола, несправедливостей и насилій отходить отъ насъ въ глубь исторіи. Этому нужно, конечно, только радоваться, но не нужно также и забывать, что эти ужасы тяготѣли надъ нашими отцами и матерями, память о страданіи и долготерпѣніи которыхъ для насъ должна быть священна. Поэтому, радуясь отходу изъ вѣчности страшнаго кошмара, мы должны сохранить о немъ и для исторіи и для назиданія потомству разсказы очевидцевъ и свидѣтелей.

Въ этихъ видахъ я и записалъ разсказы стариковъ о прежнихъ тяжелыхъ временахъ и въ особенности о введеніи воли въ Омутнинскомъ заводѣ, глазовскаго уѣзда, вятской губерніи. Это время для многихъ омутнинцевъ должно быть особенно памятно. Въ передачѣ разсказовъ я держался иногда словъ разсказчиковъ, а чаще передаю ихъ своими словами, при чемъ, гдѣ возможно, я дѣлалъ въ архивѣ справки и ими дополнялъ рѣчи разсказчиковъ. Воспоминаніи ихъ останавливаются, главнымъ образомъ, на первыхъ годахъ устройства волости и введенія въ заводскомъ населеніи уставной грамоты, а въ

заводѣ вольнаго труда. Введеніе по желанію заводоуправленія солдатъ для усмиренія рабочихъ, не желавшихъ заключать съ конторою условія, произвело на народъ особенно сильное впечатлѣніе и повидимому въ корнѣ разрушило прежнія крѣпкія связи патріархальныхъ отношеній между заводоуправленіемъ и рабочими.

Правдивость рассказовъ не подлежитъ сомнѣнію, ибо мною она подтверждалась по рассказамъ многихъ лицъ. Мноѣ рассказывали лица, изъ числа рабочихъ и служащихъ конторы, рассказывали уже послѣ того, какъ событіямъ минуло болѣе 30 лѣтъ, т. е. когда горечь ихъ давно стерлась.

П. Голубевъ.

— Ты спрашиваешь, обрадовались ли мы волѣ? Да развѣ можно объ этомъ спрашивать тѣхъ, кто испыталъ неволю? Только тотъ не знаетъ цѣны волѣ, кто не испыталъ неволи. А она у насъ вотъ гдѣ сидитъ. Тяжелое было время, не приведи Богъ болѣе не только испытать, а даже и во снѣ увидѣть его!

И старикъ охотно при каждой нашей встрѣчѣ рассказывалъ жнѣ о старинѣ и первыхъ годахъ воли.

Владѣльцы наши никогда не жили у насъ въ заводахъ. Первые изъ нихъ Осокины еще по временамъ каѣзжали къ намъ, но и въ такіе рѣдкія посѣщенія ничего кромѣ безотчетнаго страха къ себѣ не оставляли въ народѣ. Последній изъ Осокиныхъ, Алексѣй Гавриловичъ, былъ еще мягкій человѣкъ; впоследствии онъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Казани. Въ 1848 г. онъ пріѣхалъ самъ на заводы для сдачи ихъ нынѣшнимъ владѣльцамъ Пастуховымъ и вотъ какъ расстался съ нами даже этотъ мягкій человѣкъ.

Выработанное вновь желѣзо считалось уже Пастуховскимъ. Разъ Осокинъ замѣтилъ, что заводскій приказчикъ Д. Г. Мечевъ велѣлъ пріемщикамъ внимательно наблюдать за пріемкой желѣза отъ рабочихъ, велѣлъ послѣ каждаго извѣщиванія считать соръ съ чаши иѣсовъ.

Такая заботливость объ интересахъ будущаго владѣльца не понравилась Осокину. Прощаясь со служащими конторы, онъ велѣлъ всѣхъ ихъ созвать. Тѣ явились всѣ налицо въ контору. Поблагодаривъ ихъ всѣхъ за вѣрную службу, онъ тутъ же обратился къ Мечеву.

— А ты слишкомъ рано началъ угождать новому господину. Погоди, голубчикъ, ты еще у меня въ рукахъ. На колѣни, такой—сякой! Тотъ всталъ при всѣхъ на колѣни. — Казаки, розогы! Принесены были розги, и Осокинъ тутъ же въ присутствіи всѣхъ велѣлъ раздѣть и выпороть заводскаго приказчика, — это по нынѣшнему управителя, т. е. второго человѣка послѣ управляющаго, — который нѣсколько лѣтъ служилъ ему вѣрой и правдой.

При Осокиныхъ же часто ѣздилъ къ намъ Веймаръ, Александръ Федоровичъ. Около 30 лѣтъ онъ держалъ наши заводы въ арендѣ отъ Осокина. Это совсѣмъ былъ другой человѣкъ—добрый и простой. Еще когда горнымъ исправникомъ онъ объѣзжалъ заводы, то, бывало, и не узнаешь, кто ѣдетъ. Въ полушубкѣ, сверху азинъ, на одной лошаденкѣ и самъ на колѣняхъ пранить лошадию. Потомъ, послѣ окончанія аренды, онъ долго служилъ въ Петербургѣ сенаторомъ.

А вотъ, управляющій Веймара Серебряковъ Владиміръ Николаевичъ, былъ другого сорта человѣкъ, настоящій звѣрь; рассказы про его грубость памятливы многимъ еще и теперь. Серебряковъ до того служилъ въ Петербургской полиціи, умѣлъ распоряжаться людьми и былъ тяжелъ на руку. Отъ прежней своей службы онъ приобрѣлъ еще привычку и къ наущничеству, поэтому ябедники и доносчики у него были первыми людьми. Но всему этому онъ былъ очень крутой человѣкъ. Въ его кабинетѣ всегда висѣло двѣ плети. Расправлялся онъ со всѣми собственноручно и не любилъ лишнихъ разговоровъ. Ты придешь къ нему съ просьбой, а онъ тебѣ спервоначалу огрѣетъ раза два-три, да потомъ уже и о дѣлѣ примется говорить. Впрочемъ, отходчивый былъ человѣкъ...

Разъ къ нему заходитъ мастеровой Артемій Низовъ просить денегъ на покупку коровы;—звѣрь задралъ старую-то.

— Ахъ ты такой сякой, знаю васъ, плянишь,—заревѣлъ на него Владиміръ Николаевичъ.

Мужикъ не успѣлъ еще встать на колѣни, чтобы попросить, — прежде чѣмъ безъ земныхъ поклоновъ даже къ приказчику никакая просьба не обходилась,—какъ по спинѣ его уже свистала управительская плеть. Низовъ былъ мужикъ самостоятельный, твердый. Какъ только его огрѣли раза два, онъ уже былъ за дверью; потомъ всталъ предъ окномъ, да и ну кланяться.

— Благодарю, говоритъ, Владиміръ Николаевичъ, я не за этимъ шелъ къ тебѣ...

Такой грубости никто не смѣлъ выказывать тогда управляющему, и Серебряковъ опѣшилъ; кинулся было на улицу, но тотъ не сталъ его ждать. Тогда Серебряковъ въ окно давай его звать обратно. Низовъ проситъ побожиться, что не тронетъ его больше. И Серебряковъ не только ласково принялъ его потомъ, а даже водки поднесъ и денегъ вынулъ.

Крутой, но и отходчивый былъ человѣкъ.

Да чего! Нагайкой своей онъ расправлялся и со служителями,—ни на кого не смотрѣлъ. Вѣдь всѣ тогда были крѣпостные. Только Матвій Ериолаичъ Горбуновъ держалъ себя поспѣше, иногда даже позволялъ себѣ спорить съ нимъ, но и этого Серебряковъ умѣлъ обуздывать.

Матвѣй Горбуновъ былъ довѣреннымъ по заводамъ отъ Веймара, а Серебряковъ хотѣ и управляющимъ быть, но не имѣлъ до вѣренности, потому что былъ лишенный правъ. Прямо надо сказать, онъ числился въ умершихъ. Прежде это бывало сплошь и рядомъ. За какое-то преступленіе по службѣ въ Вяткѣ Серебряковъ подлежалъ ссылкѣ; но Веймаръ, пользуясь связями въ Петербургѣ, помогъ ему укрыться и опредѣлилъ къ себѣ на заводы. Матвѣй Горбуновъ зналъ эту исторію, а потому частенько и бахвалился:

— На небѣ, говоритъ, пророкъ Ілья, а на землѣ я! Но все таки боялся плетей Серебрякова.

Разъ на свадьбѣ у племянника Филиппа Леонтьевича Матвѣй поспорилъ о чемъ то съ Серебряковымъ. Этотъ выскочилъ изъ-за стола, кричитъ казиковъ, требуетъ Матвѣя въ арестантскую отправить. Снадебное пиришество, разумѣется, разстроилось, всѣ повыскакали изъ за столовъ, начали уговаривать и просить за Матвѣя. Серебряковъ ничего и слышать не хотѣлъ. Дѣлать было нечего, свои же братья начали разсказывать убѣждавшаго Матвѣя, но онъ спрятался далеко.

На другой день Серебряковъ поднимать холодного съ подклѣтку и приказалъ прежде всего отыскивать дялю.

— А тебя, говоритъ, самого отправлю въ арестантскую.

Молодушка и ся родня ударились въ слезы. Имъ дико казались такіе порядки: они были вольные. Тутъ только они поняли что значить выдавать дѣвокъ за крѣпостныхъ Оанакъ. на этотъ разъ удалось таки уговорить разгнѣваннаго управляющаго. Да, хотѣ и безправный былъ, а круто расправлялся со всѣми. Его плетей попробовали всѣ.

А вотъ другой примѣръ того, какъ онъ круто расправлялся за всякія малости со своими подчиненными и даже съ приказчиками. Серебряковъ разъ пошелъ посмотреть дому, клади горнъ; подъ домной, гдѣ происходитъ плавка чугуна, земля рыхлая и неровная; чтобы не утаптывать ее, были положены мостики изъ досокъ. Серебряковъ при своей тучности оступился на этихъ мостикахъ и расшибъ ногу.

— Гдѣ приказчикъ, куда онъ глядитъ? А приказчикъ Мечевъ въ это время находился въ мѣховой (столярной мастерской). Негодование Серебрякова на неповиннаго Мечева было такъ сильно что онъ, несмотря на боль ушибленной ноги, отправился самъ въ мѣховую, — это почти за полверсты отъ домны, и здѣсь, найдя Мечева и не разговаривая ни слова, избилъ его собственноручно желѣзною палкою, съ которою обыкновенно никогда не разставаясь.

Ко всему этому нужно еще добавить, что изъ нашъ грѣхъ Серебряковъ считалъ себя зубнымъ лекаремъ. Кто бы ни пришелъ къ нему съ подвязанной шекой, непременно долженъ былъ казать свои

зубы, и онъ обязательно ловился за больной или здоровый зубъ какихъ то клещами и, несмотря на мольбы просьбы и слезы своей жертвы, вырывалъ у него зубъ, и только послѣ этого отпускалъ больного съ миромъ, иногда даже еще награждая его рюмкой водки.

Ну какъ послѣ этого не радоваться волѣ. И неожиданно она пошла къ намъ! Разговаривали, бывало, промежду себя, да все больше такъ, не вѣрилось этому. Говорили больше для страху бабамъ: вотъ, молъ, воля придетъ, такъ мы оставимъ насъ въ заводѣ, а сами разойдемся по другимъ мѣстамъ.

Какъ теперь помню, это было въ началѣ апрѣля. Утромъ я только что воротился со сѣны, прилечь и подумывать идти на прудъ, посмотреть морды. Предъ этимъ у меня кто то вынималъ изъ нихъ рыбу. Я обдумывалъ какую-нибудь ловушку для вора. Слышу, подъ окномъ стучитъ нарядчикъ.

— Ну, думаю, совѣмъ они насъ хотятъ замануть на работѣ. Не успѣлъ я бабѣ крикнуть чтобы она выглянула за окно, какъ стукъ повторяется невостанѣ. Выглядываю.

— Иди къ конторѣ на сходъ.

— На какой такой сходъ?

— Приходи, тамъ узнаешь... чиновники прѣхали, кричить уже находу нарядчикъ. Смотрю, обходить всѣхъ по порядку въ околodкѣ.

Что молъ это такое за сходъ. Никогда ничего не бывало. Наряджали насъ прежде на работу, или на дѣла какія, а сходовъ никакихъ не бывало. Вскорѣ приходитъ составъ и тоже не понимаетъ.

Ужъ не солдатчина ли опять за кой грѣхъ? Только зачѣмъ же насѣхъ вызываютъ? А солдатчины мы боялись, какъ огня, отъ нея бѣгали, въ лѣсу укрывались и потому о наборѣ извѣщалось всегда секретно. Народъ ничего не знаетъ до тѣхъ поръ, пока не заберутъ, кого намѣнить управляющій. Бывало, уходитъ рабочій куда нибудь на работу, на фабрику, въ домну или къ себѣ на покосъ. Смотришь несчастнаго ужъ и ведутъ прямо въ контору, а оттуда въ кузницу заковывать. Прежде многіе бѣгали отъ солдатчины, а потому заковывать и держать подъ стражей было необходимо, пока не являлись поручители. Затѣмъ уже этого рекрута пускали на время домой. Охъ, что реву тогда бывало при этихъ наборахъ. Ужъ больно насъ пугала эта таинственность и желѣзо. Бабы, такъ тѣ словно мертвыхъ оплакивали рекрутовъ.

Когда я пришелъ къ конторѣ, тамъ уже была толпа человѣкъ въ тысячу, какой ни раньше, ни послѣ я не видывалъ. Всѣ работы на поденщинахъ были остановлены, фабрика, корпусъ тоже стояли, на домну были наряжены „пришлые“, не нашихъ заводовъ крестьяне. Домну остановить даже ненадолго нельзя. Народъ такъ и валилъ куч-

хами изъ Малагова и завода *). За мужиками прибѣжало много бабъ. Никто не знаетъ, зачѣмъ созваны, о солдатчинѣ не перестаютъ толковать. Не избалованы явишь были въ прежнее-то время радостными вѣстями. Допрежь того, если въ конту ру кого вызывали, да особенно чрезъ казаковъ, такъ ужъ знали зачѣмъ—либо арестантская, либо порка. Я ужъ говорилъ, что съ нами много не важничали. Каждый проѣздъ чрезъ заводы горнаго исправника, бывало, трясешься, какъ самъ не свой. Мимо квартиры исправника боялись не только съ пѣснями въ праздничное время пройти, а просто и въ обыкновенную пору на работу. Былъ исправникъ Быковскій, такъ матери ихъ страшили своихъ ребятъ. Ни одинъ его пріѣздъ не обходился безъ порки. Да что исправники! Свои управители драли еще чаще, и эти ужъ за всякія мелочи: и за дѣло и безъ дѣла.

Вотъ теперь, когда узнали, что вмѣстѣ съ горнымъ исправникомъ наѣхали еще другіе чиновники, такъ ужъ совѣтъ жутко стало. Помнится, въ это время горнымъ исправникомъ былъ Розенквистъ, и съ нимъ тогда пріѣхалъ жировой посредникъ Казанковъ; едва ли не былъ еще земскій исправникъ Максимовичъ и еще становой изъ Укана.

Около конторы, которая тогда была на мѣстѣ нынѣшняго коннаго двора, были выстроены высокіе мостки; это еще болѣе пугало насъ. У всѣхъ одинъ вопросъ на ужъ—что то будетъ? Когда начали звонить у конторы на обѣдъ (въ 10 часовъ утра), толпа была уже болѣе тысячи человекъ, а начальства все еще не было; не пріѣзжалъ и управляющій нашъ. Мы хотѣли хоть отъ него узнать причину схода; другіе служащіе знали не больше нашего.

Вотъ, наконецъ, изъ пріѣзжаго дома и чиновники показались, а такъ со своей квартиры и горный исправникъ; всѣмъ были поданы заводскія лошади: не задолго предъ ними изъ завода подѣхалъ и заводскій приказчикъ и управляющій. Предъ всѣми толпа снимала шапки, а предъ горнымъ исправникомъ и посредникомъ—пока они не вошли въ контору,—все время стояли безъ шапокъ. Скоро по пріѣздѣ всѣ чиновники и управляющій вышли на подмостки, а конторскіе служащіе облѣпили всѣ окна конторы и сѣней. Толпа, какъ будто одинъ человекъ, сняла шапку. Не знаю, какъ чиновенство себя чувствовало, но мы въ эту минуту будто перестали и дышать. До того въ толпѣ только гулъ стоялъ отъ толкова, точно пимелиный рой летѣлъ, а тутъ сразу ровно провалились всѣ. Развѣ послышится гдѣ со стороны бабъ молитва, да вздохъ тяжелый. Бабы стояли кучками поодаль—кто у угла пріѣзжаго дома, кто у рудничныхъ пѣсовъ, иные у единоувѣрческой церкви. Многія изъ нихъ прибѣжали сюда съ ре-

*) Такъ называются двѣ разныя части селенія: по одну сторону пруда и р. Омутный селеніе „Заводъ“, гдѣ находится фабрика и контора, а по другую—селеніе „Малагово“, ихъ соединяетъ плотина.

4) Чтобы строевой дѣль на домашнія надобности отпускался бесплатно".

Вотъ изъ-за какихъ пустяковъ расклеилось дѣло уже въ концѣ соглашеній. И такихъ-то пустяковъ не хотѣлъ дать намъ Новиковъ! Потомъ, однако, пришлось согласиться на нихъ и ему. А что было вначалѣ при составленіи этой грамоты, такъ и говорить смѣшно. Контора тогда торговалась изъ-за каждаго пустяка, точно базарная торговка. А между тѣмъ все валили на нашихъ довѣренныхъ.

По разъясненію посредника, получить землю, мы обязывались нести земскіе платежи. А всякихъ новыхъ платежей мы боялись, какъ огня, и потому ни за что не хотѣли принять грамоты даже и послѣ того, какъ она уже была исправлена по требованію губернскаго присутствія (въ концѣ 1864 г.) въ нашу пользу: намъ предоставлено право пользованія дровянымъ лѣсомъ, растущимъ на нашихъ покосахъ. Намъ уговаривали, что земскіе платежи будутъ не велики, копѣекъ 8—10 съ души, но мы не вѣрили этому.

— Вначалѣ, говорили мы, всегда начинается съ небольшого, и потомъ уже изъ петли шею не вытянешь.

Однако, уставная грамота чрезъ нѣкоторое время все-таки была введена и помимо нашего желанія *). Но не въ ней все-таки была суть дѣла и не изъ-за земскихъ платежей разгорѣлся потомъ сурь боръ, отчего многіе испытали и розги и арестантскія роты, а заводъ увидѣлъ в солдаты. Произошло же это вотъ какимъ образомъ.

Вмѣстѣ съ введеніемъ уставной грамоты въ началѣ 1863 года, ко времени окончанія временно обязательныхъ отношеній, контора составила для всѣхъ рабочихъ условія, подъ которыя и приглашала ихъ подписываться. Заводууправленіе боялось, что мастеровые, выйдя изъ обязательныхъ отношеній, тотчасъ же прекратятъ работы и будутъ держать все заводское дѣйствіе въ зависимости отъ своихъ капризовъ: захотятъ работать — заводъ пойдетъ, не захотятъ — не пойдетъ. Условія составлялись на годъ, на два и на три. Контора и здѣсь дѣйствовала также двусмысленно: предъ чиновниками и вездѣ на сторонѣ она говорила, что рабочія платы ея по всѣмъ цехамъ и работамъ увеличены противъ прежняго сильно, что только развѣ слѣдые не увидятъ выгоды отъ ея новыхъ платъ **).

*) Введена 17 января 1863 г.

**) Примѣчаніе: Всѣ эти увеличенныя платы были только хвастовствомъ предъ другими и недостаточствомъ. Конечно, нѣкоторыя платы были копѣекъ противъ крѣпостнаго времени, когда съ желаніемъ рабочихъ уже елисъ не справлялись при установленіи платъ. Крѣпостныя платы держались одкою милостью заводскаго начальства: что оно захочетъ дать только то и получали; куда оно поставитъ тебя, только такъ и будешь работать.

Противъ заключенія условій съ конторой даже по повышеннымъ платамъ, которыя требовали, возсталъ нашъ молодой старшина Семенъ Лаврентьевичъ Сорокинъ.

— Царь только что освободилъ васъ, а вы сами опять лѣзете въ крѣпость. На что понадобились конторѣ условія, гдѣ объ этомъ сказано въ законѣ? И онъ всѣмъ растолковывалъ, что конторскія условія та же кабала, отъ которой мы только что избавились.

Управляющему Новикову теперь уже никто, разумеется, не вѣрилъ, когда онъ доказывалъ, что эти условія болѣе выгодны для рабочихъ, чѣмъ для конторы.

— Ужъ больно ты простъ, Николай Абрамовичъ, если думаешь изловить насъ въ такую ловушку, говаривалъ обыкновенно старшина. Если условія намъ невыгодны, зачѣмъ же ихъ требуешь отъ насъ? Давай пожизнемъ хоть маленько по своей волѣ, каждый по

Оплатить рабочихъ съ прежними платами было бы прямо надѣвательствомъ, в контора всетаки не оставалась предъ этимъ. Получала она сколько нибудь вымѣсто цѣны только тѣмъ рабочимъ, какъ напярмѣръ, коннымъ подещичамъ, печвничамъ, плотничамъ, кузнецамъ, столарамъ, слесарямъ и пр., которые в безъ завода легко всждъ могутъ найти себѣ работу. Такъ, коннымъ подещичамъ, т. е. рабочему съ лошадемъ, во всѣхъ нехонныхъ работахъ подещина поднимать была съ прежнихъ 57 к. до 70 к. сер. въ день; а на ассигнаціи, какъ считали тогда въ заводѣ, съ 2 р. до 2 р. 50 к., простыя же конныя подещичи получали только съ 28¹/₂ до 40 к. сер. Тоже и каменничамъ при исправленіи вѣсей почти во всѣхъ дежахъ плата попрежнему была съ 28¹/₂ до 43 к. сер. въ день (или съ 1 р. на 1 р. 60 к. ассиг.); столарамъ и плотничамъ съ 15¹/₂ к. до 35¹/₂ к. сер., кузнецамъ съ 12¹/₂ до 35¹/₂ к. сер.

Такимъ образомъ, рабочимъ, которые могутъ найти себѣ работу, гдѣ угодно и помимо завода, сама контора увеличивала плату вдвое и даже ятрое противъ прежнихъ крѣпостныхъ платъ. Цеховымъ же рабочимъ платы увеличивались, или оставались прежними, или даже уменьшались противъ крѣпостныхъ платъ, смотря по тому, могутъ или нѣтъ эти рабочіе найти себѣ работы въ сосѣднихъ горныхъ заводахъ. Всего выгоды въ этомъ отношеніи пострадали были домениныя рабочіе, потому что ближайшія къ намъ заводы Песковскій, Западнискій, Черноколунный главнымъ своимъ производствомъ были домениныя. А у насъ въ крѣпостное время рабочимъ доменино цеха были особенно низки платы. И вотъ теперь для удержанія домениныхъ рабочихъ конторѣ приходилось имъ больше, чѣмъ другимъ прибавлять платы. Въ крѣпостное время здѣсь подмастерья получали въ день 30 к. сер. (1 р. 5 к. ассиг.) и теперь контора ему предлагала уже 50 коп. сер. (1 р. 75 к. ассиг.) въ сутки; остальные: горный работникъ, замычка, рудовой, углекомъ получали только по 27 к. сер. (35 к. асс.) въ день, и теперь имъ повышала до 46 к. сер. (1 р. 60 коп. ассиг.) ихъ плату. Домениный мастеръ и его помощникъ получали мѣсячное жалованье 8 р. и 4 р. 20 к. сер. (28 и 16 р. асс.), теперь имъ возмизнала его до 12 и 6 р. сер.

Это были единственныя стасланцы, у которыхъ прибавки были не въ сѣняхъ. Дальше самыми большими прибавками къ суточной платѣ были 11 к. сер. или 40 к. асс. въ день нѣкоторымъ рабочимъ по христову деку и то, впрочемъ, только по двумъ производствамъ: на кошку сизаного (насте-

своей выгоды. Ты самъ говоришь, что мы теперь получаемъ меньше, чѣмъ стали бы получать при условіи, такъ неужели ты изъ за того только и бьешься, чтобы мы получали больше?

Управляющему нельзя было открыто признаться, что онъ боится остаться съ вольными рабочими; что выгодные сегодня, они прижмутъ его завтра. И онъ всякій разъ при встрѣчѣхъ съ Сорокиными только упрекалъ его за сбиванье рабочихъ съ толку. Но Сорокинъ и самъ не оставался въ долгу, горячій былъ человѣкъ и за словомъ въ карманъ не лазилъ.

— Еще кто кого сбиваетъ-то. Вишь привыкли распоряжаться подневольными людьми. Нѣтъ, теперь конецъ этому! Приучайтесь-ка разговаривать съ вольными, вы отъ хозяина вѣдь большія денежки получаете, такъ и потрудитесь. А что, развѣ великъ трудъ—приказать, нарядить, послать, согнать.. Нѣтъ, отъ этого надо отвыкать!

ру съ 68¹/₄ к. сер. увеличивалось до 80 к. сер., ***) или съ 2 р. 40 до 2 р. 80 к. асс., а подмастерья съ 2 р. 20 к. до 2 р. 60 к. асс.) и за ковку ушкоподосного (мастеру съ 57 к. до 68¹/₄ к. сер. и подмастерью съ 51¹/₄ до 62³/₄ к. сер.). Дальше, по лузгановому цеху прибавка дневной платы поднималась уже всего только на 7 к. сер. или на 25 к. асс. (Мастеру вѣсто 83 к.— 1 р. сер., подмастерью вѣсто 86 к.— 93 к. сер. и обжимщику вѣсто 57 к.— 64 к. сер.). Еще дальше, въ кирпичномъ цехѣ на ковку подосного прибавка дневного заработка достигала уже всего 6¹/₄ к. сер. (Мастеру увеличивалось съ 51¹/₄ к. до 57 к., подмастерью съ 46 до 51 к. сер.).

Вотъ это почти и все, что прибавляла рабочимъ контора. Дальше во всѣхъ остальныхъ цехахъ прибавокъ или сокращеній не было, или были даже скидки съ простыхъ платъ. Оставались старыя платы, наприимѣръ, въ кирпичномъ же цехѣ: за ковку шабального (мастеру по 62¹/₄ к. сер. и подмастерью по 62¹/₄ к. сер., или по 2 р. 40 к. и 2 р. 20 к. ассиг. какъ прежде, такъ и теперь), или за ковку лафетного (мастеру по 2 р. 40 к. и подмастерью по 2 р. 20 к. ассиг.).

Оставались при старыхъ платахъ мастера и подмастерья и по всему литейному цеху; при крупносортиномъ производствѣ въ кирпичное время сварщики выработывали въ сѣтву 1 р. 50 к. сер., та же плата оставалась и по условію на будущее время, двумъ мастерамъ приходилось за сѣтву по 1 р. 25 к. сер. и надсмотрщику за привономъ по 1 р.,—тѣ же платы контора давала и на будущее время. Тоже и по мелкосортиному производству въ этомъ цехѣ. Мастеръ, какъ выработывалъ въ кирпичное время 86 к. сер., надсмотрщикъ 64 к., такъ они оставались съ теми же заработками и на будущее время по условію конторы.

Старыя же платы контора оставила и по листокатальному цеху. За первую прокатку кирпичной болванки какъ получали 10 р. сер. или 85 руб. ассиг. съ тысячи пудовъ, такъ эта же плата оставалась и на будущее время. Тоже и за вторую прокатку болванки на листовое пряде получалось 28¹/₄ руб. сер. или 100 руб. ассиг. съ 1000 листовъ, эта же плата оставалась и на будущее время.

***) Какъ видно, такъ и вслѣдъ за тѣмъ ежедневныя платы конторою исчислялись изъ сѣтвовой, то количеству выработаннаго сѣтва въ сѣтву.

Вотъ вы и въ бумагахъ то привыкли тоже все приказывать да требовать. Поддайся намъ, пожалуй, такъ все поидетъ попрежнему...

Такіе разговоры происходили при рабочихъ, часто въ конторѣ, куда Сорокинъ заходилъ за полученіемъ податей. Разумѣется, они не нравились управляющему; къ нимъ заводское начальство не привыкло, особенно управляющій, который рѣдко разговаривалъ съ рабочими. Сорокинъ же хотя и не былъ рабочимъ, но не волился и со служительскими, а жилъ самостоятельно. Управляющій и приказчикъ не говорили ему „вы“, а по прежнему „тыкали“. Когда Сорокинъ ужъ сильно прижметъ ихъ, они кричали, чтобы онъ убирался изъ конторы. И послѣ такихъ случаевъ Сорокинъ долго не ходилъ въ

Старыя и даже уменьшенные платы контора предлагала и по достаточно-высокому цѣну. Напримеръ, за обрѣзку глянцеватаго желѣза рѣзачикомъ предлагалась прежнія сѣбныхъ платы $6\frac{1}{4}$ к. сер., тоже за сортировку пробнаго глянцеватаго желѣза по $28\frac{1}{2}$ к. сер., за укупорку его въ 6-ти пудовые ящики по 30 к. сер. въ день; за укупорку въ ящики узкополоснаго оставались платы прежнія $85\frac{1}{2}$ к. сер., за сортировку плавнаго 30 к. сер. въ день, оставались рабочему и на будущее время. Тѣ же старыя платы оставались мастеру (1 р. $28\frac{1}{2}$ к. сер.) и рабочимъ ($39\frac{1}{4}$ к. сер.) за правку и обрѣзку краснаго желѣза.

Но уменьшались платы даже противъ крѣпостного времени въ слѣдующихъ производствахъ достаточно-высокому цѣну. За правку 1000 листовъ 2-хъ аршинной шир., до условія платили 40 р. сер., а теперь давали по условію только 35 р. Тоже за правку узкополоснаго квадратнаго желѣза со 100 пуд., прежде платили 57 к., а теперь по условію предлагала только 46 к. сер., на этой работѣ въ 12 час. каждый рабочий могъ заработать только 28 к. сер.

Уменьшены платы противъ крѣпостного времени и въ кирпичномъ цехѣ на ковку кружка желѣза съ 2 до 4-хъ дюймовъ толщины, теперь мастеру предлагалось 91 к., шифера прешникъ 97 к. сер., (или 8 руб. 20 коп. вмѣсто 2 р. 40 к. ассиг.) и подмастерью $85\frac{1}{2}$ к. вмѣсто 91 к. сер. (или 8 р. вмѣсто 3 р. 20 к. ассиг.).

Вотъ онъ пресловутыя высокія платы, о которыхъ контора разглашала всюду, упрямая рабочихъ въ желаніи бунтовать и погубить заводы. Рабочіе, конечно, и не могли согласиться на такія платы и требовали увеличенія противъ крѣпостныхъ платъ, гдѣ въ $1\frac{1}{2}$ или 2 раза, а иногда и вътрое. Это и приводило Новикова въ ужасъ. Барыня заводоуправляющаго значительно бы поубавилась ****).

****) Академикъ В. П. Безобразовъ въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ по Высочайшему повелѣнію въ 1867 г. на Уралъ къ литейнымъ заводамъ приводитъ по казеннымъ Гороблагоустроеннымъ заводамъ свѣдѣнія за 12 лѣтъ (1855—1866) среднихъ годовыхъ платъ. За первый десятилѣтній періодъ крѣпостного состоянія (1835—60 г.) средняя годовая плата, выходящая изъ всѣхъ работъ, опредѣлялась въ 22 к. сер. Въ слѣдующее десятилѣтне (1861—66 г.) уже свободнаго труда эта плата опредѣлялась уже въ 45 к., следовательно, увеличилась противъ крѣпостного времени болѣе чѣмъ въ два раза (составила 104%).—На Агтаѣ въ казенныхъ заводахъ дѣны на свободномъ трудѣ поднимались почти вътрое выше крѣпостного времени. Голубева.

бятишками на рукахъ, но и тѣ стояли смирно.

„Божіею милостію, Мы АЛЕКСАНДРЪ II, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій“ и т. д. и т. д., зачиталъ вдругъ который-то изъ чиновниковъ. При этихъ словахъ нѣкоторые перекрестились, было, но большинство стояло неподвижно, потому что въ этому времени почти всѣ изъ мастеровыхъ были ужъ не церковные; по уставу же поморцевъ и поповцевъ молиться вмѣстѣ съ церковниками не полагалось, считалось великимъ грѣхомъ. Долго читалась бумага, но что въ ней было,—спроси тогда хоть кого,—никто хорошенько не понималъ. Однако, всѣ почувствовали, что это не солдатчина и не иная какая либо бѣда, а облегченіе. Только когда чиновникъ въ концѣ чтенія громко произнесъ: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ“, большинство немолжно перекрестилось какъ одинъ человекъ. А затѣмъ уже, когда послѣ чтенія бумаги мировой посредникъ намъ на словахъ растолковалъ, что это читался царскій манифестъ о нашей волѣ, что мы теперь не крѣпостные, что послѣ полученія уставной грамоты вольны работать,—глѣ и когда захочемъ, ужъ не по наряду, и плату можемъ требовать, какую захочемъ.—тогда ровно солнышко освѣтило насъ всѣхъ, тогда мы забыли и о грѣхѣ молиться заодно съ церковниками,—сразу точно одинъ человекъ вся толпа перекрестилась. Богъ вишетъ, были ли еще когда нибудь теплѣе наши молитвы тогдашней. Долго еще что то говорилъ мировой посредникъ, да мы ужъ мало понимали; только конецъ, особенно явственно онъ сказалъ, что на старомъ положеніи мы должны оставаться еще два года.

Не помню хорошенько, какъ долго стояла толпа предъ конторой. Помню только одно, что чиновники послѣ чтенія всѣ ушли въ контору и частенько выглядывали въ окна. Наконецъ горный исправникъ вышелъ и велѣлъ намъ расходиться и приказалъ завтра же всѣмъ быть каждому на своей работѣ, кого куда наряжать.

Долго потомъ мы толковали; многіе не вѣрили, чтобы это была настоящая воля.

— Что нибудь да не такъ: говорили воля, какъ она должна быть воля, чтобы сейчасъ, а тутъ, говорятъ, еще нужно работать по прежнему. Нѣтъ, ребята, надо узнать, какъ въ другихъ мѣстахъ эта воля объявлена,—толковали тогда между собой во многихъ домахъ.

— Да какъ ты про другія то мѣста узнаешь? Вишь сказано, нельзя нигуда уходить, по старому въ крѣпостной работѣ 2 года быть.

— А вотъ, иные говорили, какъ караванъ будутъ отправлять, непремѣнно надо водоливамъ заказать пройти на другіе заводы, да и во время пути то поразспросить кого нибудь изъ другихъ мѣстъ.

Не тѣмъ были недовольны, что приходилось работать по прежнему, кого куда наряжать; да и не тяжесть работы пугала: мы привыкли ко всякой работѣ, а ужъ очень несправедливо казалось, что

мы не можемъ никуда выѣхать изъ завода; хотъ бы только поразузнать, гдѣ что дѣлается. Бывали многіе въ Глазовѣ и Виткѣ, да ни тамъ, ни по пути нигдѣ нѣтъ крѣпостныхъ.

У бабъ нашихъ шли свои суды, да пересуды. О солдатчинѣ точно не было и помину. Бабы теперь припоминали, какъ когда то и отъ кого-то онѣ тайкомъ слыхали разговоры тоже про какую то волю; но о ней изъ прежнее время не говорили въ слухъ. Однѣ припоминали, какъ иногда подъ пьяную руку ихъ мужья грозили имъ волей: какъ выйдетъ воля, сейчасъ де они уйдутъ въ другія мѣста и бабъ оставятъ однѣхъ. Припоминая это, многія бабы не радостно вздыхали при словѣ воля.

— Жили, слава-те, Господи, прежде и безъ воли. жили да не тужили, а кто знаетъ теперь, что еще будетъ... Воля, воля... а что она? Хлѣба не принесла, и при волѣ работать нужно будетъ,—болтали многія бабенки безъ толку.

А другія при этихъ разговорахъ даже въ ревъ пускались. Знамо, никто ничего не понималъ.

Чиновники уѣхали, мы остались на прежнихъ работахъ и пайкахъ. Намъ растолковали, что когда мы выйдемъ изъ временно-обязанныхъ, пайки провіанта, которые теперь выдавались исѣмъ—(изрослымъ по 2 пуд., подросткамъ по 1½ п., а малолѣткамъ по 1 п. муки въ мѣсяцъ съ вычетомъ по 30 коп. асс. за пудъ)—прекратятся; будемъ получать лишь тѣ, кто будетъ работать. Это было первое, что расколачивало наши надежды на волю. Какъ же теперь будутъ жить вдовы, сироты; да и тѣ семьи, которыя не попадутъ на работы, аѣды не вѣсть же будетъ работа?

Вскорѣ пріѣхалъ посредникъ и опять созвалъ насъ на сходъ. Теперь бѣжали на сходъ уже съ радостію; нарядчикамъ, пожалуй, не нужно было и обходить всѣ улицы; о сходѣ узнавали одни отъ другого чрезъ огороды, а больше отъ бабъ. Въ этотъ пріѣздъ посредника было нѣсколько сходовъ и всѣ были полныжъ полнехоньки. Собирались по прежнему около конторы. Въ эти разы посредникъ намъ читалъ положеніе, рассказывалъ, какъ мы должны составить изъ себя сельское общество, выбирать старосту и другихъ служилыхъ общественниковъ, какъ должно образовать волостное правленіе, волостной сходъ, волостной судъ; говорилъ о власти волостного старшины и старосты. Изъ одного нашего завода, да деревни Декися образована была волость омутнинская.

Наконецъ, 11 іюня 1861 г. былъ у насъ уже первый волостной сходъ отъ домовладѣльцевъ и здѣсь мы избирали наше первое волостное правленіе. Старшиной былъ избранъ Василій Минсевъ Хорошавинъ, кандидатомъ къ нему Семенъ Феокт. Керовъ, помощникомъ—Насилій Степановъ Голубевъ, а первымъ писаремъ былъ Тебенковъ. Тутъ же были выбраны и волостные судьи.

Въ первые годы сходы были всегда полные; нарядчикамъ не нужно было, какъ нынѣ, по нѣскольку разъ ходить подъ окна. По новости всѣмъ любопытно было знать свою судьбу; все ждали чего-нибудь новаго.

Вначалѣ было и пріятно посмотрѣть на свое волостное начальство. Это ужъ не конторское и не горное начальство, а свое собственное. Какъ то не вѣрилось, что теперь насъ не будутъ ужъ болѣе дуть въ конторѣ.

И безъ схода многіе частенько заворачивали въ правленіе, чтобы только посмотрѣть или узнать какую нибудь новость. Въ заводскую контору безъ дѣла ходить воспрещалось. Въ правленіи же чувствовали себя, какъ дома. По началу и на волостной судъ ходили многіе смотрѣть.

До воли все зависѣло отъ управляющаго и даже отъ приказчика; со всѣми жалобами бѣжали къ нимъ. И хорошо еще, если тебя выслушаютъ, а то и просителю и отвѣтчику доставалось часто на казачи. Теперь тутъ на глазахъ у всѣхъ разбирали всѣ дѣла. Даже контора должна была обращаться теперь въ правленіе со своими жалобами на рабочихъ. Покража ли небольшая, уходъ, или уклоненіе отъ работы, грубость противъ управляющаго или приказчика, однимъ словомъ, все, за что прежде они расправлялись собственною властью, теперь должно было поступать въ правленіе. Не нравилось это заводскому начальству, и вначалѣ оно думало, было, по прежнему обходиться собственною властью, да скоро его отучили отъ этого. И пришлось ему уступить.

Первый старшина В. М. Хорошавинъ былъ изъ конторскихъ служащихъ, не отличился самостоятельностью: онъ былъ очень податливъ на всѣ требованія конторы. Въ своихъ затрудненіяхъ онъ постоянно ходилъ за совѣтами въ контору. Многіе его корили этимъ, а чрезъ полгода сходъ рѣшилъ выбрать другого, болѣе самостоятельнаго старшину.

Выборъ палъ на Семена Лаврентьевича Сорокина. Это былъ совсѣмъ иной человѣкъ: молодой,—ему было всего 28 лѣтъ,—внимательный и старательный для общества человѣкъ. Онъ не давалъ въ обиду мастеровыхъ; былъ скорѣе несправедливъ къ конторѣ, чѣмъ къ рабочимъ.

Вотъ съ него то и начались ссоры сначала волостного правленія, а потомъ и всего общества съ конторою. Придирки начались съ переписки. Контора вначалѣ обращалась къ правленію съ „требованіями“ и „предписаніями“. Сорокинъ не сталъ выполнять ихъ требованій. Онъ заявилъ конторѣ, что правленіе есть правительственное учрежденіе, куда частнымъ учрежденіямъ, какъ контора, должны обращаться съ просьбами. Заводское начальство вознегодовало и обратилось съ жалобой къ посреднику.

Перный посредникъ, Казаковъ, жилъ не въ нашемъ заводѣ, а въ Слободскомъ или въ Холуницѣ, и жалобы конторы оставлялъ часто безъ разрѣшенія. Конторѣ пришлось подчиниться и вмѣсто „предписаній“ писать „просьбы“.

Такъ дѣло тянулось весь 1862 годъ. Въ это время подготавлилась уставная грамота и составлялись конторою условія для найма рабочихъ по выходѣ ихъ изъ временно-обязаннаго состоянія. Контора видѣла, что при такомъ старшинѣ трудно будетъ внести уставную грамоту. И когда 12 декабря 1862 г. уставная грамота была предъявлена особо выборнымъ довѣреннымъ отъ нашего общества, они не приняли ее.

По уставной грамотѣ значилось, что все имѣніе Пастуховыхъ относится къ 1 полосѣ и 9 мѣстности, съ приписанными отъ казны лѣсами занимаетъ 69869 дес. 893 саж. и 190 рудниковъ. Заводомъ они владѣли на посессионномъ правѣ; служащихъ было всего 86 и мастеровыхъ 1136 душъ м. п. и 7 семей непремѣнныхъ работниковъ, а всего 1229 душъ м. п. Въ пользованіи крестьянъ находилось земли 3079 дес. 150 саж., въ томъ числѣ подъ усадьбой 79 дес. 150 саж. и 3000 дес. подъ покосами. Это теперь отдавалось безвозмездно въ собственность крестьянъ. Вначалѣ уставная грамота глухо или совсѣмъ не говорила о правахъ населенія на покотину и на лѣсъ, растущій на крестьянскихъ покосахъ. Но по ходатайству довѣренныхъ общества, губернское присутствіе уже въ 1864 г. разъяснило оба пункта въ пользу крестьянъ.

Сколько ни наставлялъ мировой посредникъ на принятіи уставной грамоты, довѣренные общества не приняли ее. Въ уставной грамотѣ почти ничего намъ не давалось, владѣльцы дарили намъ одну землю; но землю мы и такъ получали бы отъ казны. Да и земля то эта не владѣльческая, а казенная; тѣ владѣли ею на посессионномъ правѣ. Дарили, слѣдовательно, казенную землю. Что всего важнѣе было для насъ — лѣсопользованіе и выгонъ, но объ этомъ было темно сказано въ грамотѣ и это дало поводъ заподозрить искреннія желанія владѣльцевъ. Кто нибудь можетъ подумать, что нашими довѣренными предъявлены ужъ совсѣмъ несоразмѣрные требованія. Ничуть не бывало. Вотъ что требовали внести въ уставную грамоту наши довѣренные и на что не согласился управляющій Новиковъ:

1) Чтобы покосная земля, какъ наши саими расчищенные, а равно и усадьбы, предоставлены были въ безвозмездное пользованіе намъ, безъ всякаго ограниченія, всѣмъ, какъ обращающимся, такъ и необращающимся въ заводскихъ должностяхъ и работахъ;

2) Чтобы престарѣлые и сироты были обезпечены содержаніемъ отъ завода;

3) Чтобы обязательство общества содержать сторожей и при слугу при госпиталѣ было отхѣнено и принято на счетъ завода;

контору, а доѣзжалъ ихъ своими бумажками.

Кромѣ управляющаго народъ уговаривали и заводскій приказчикъ и надзиратель (Голубевъ). Какъ мѣстныхъ жителямъ народъ имъ болѣе довѣрялъ, чѣмъ управляющему, но теперь и имъ не вѣрилъ.

— Ребята, безъ молитвы спать не ложись, безъ условія за работу не принимайся, старался уговаривать словоохотливый надзиратель, но мастеровые теперь уже не слушали его.

Одинъ изъ мастеровыхъ, Ивойло Смирновъ, рѣшилъ, наконецъ, заключить съ конторой условіе. Свидѣтельствовать его нужно было въ правленіи; но Сорокинъ не допустилъ до этого. Онъ видѣлъ, что сегодня одинъ заключить, завтра другой и такъ одинъ по одному всѣ они свяжутъ себя условіями. Чтобы дать острастку первому же не согласному съ міромъ, онъ придрался къ какимъ-то пустякамъ и выпоролъ Смирнова. Этотъ побѣждалъ въ контору и отказался отъ заключеннаго, но не подписаннаго еще условія. Эта острастка сильно подѣйствовала на рабочихъ, и если до этого случая кто нибудь и сомнѣвался еще относительно власти Сорокина, то теперь уже этихъ сомнѣній не было.

И управляющій въ это время тоже не дремалъ; онъ уже давно изыѣщаль и горнаго начальника, и мирового посредника, и глазовскаго уѣзднаго исправника, и вятскихъ губернскихъ властей о явномъ возмущеніи Сорокинымъ народа противъ конторы. Но до сихъ поръ къ Сорокину придрасться было нельзя. Про случай со Смирновымъ объ отказѣ свидѣтельствовать ему условіе было опять сообщено по начальству.

Теперь контора изъ боязни остаться совсѣмъ безъ рабочихъ, начала все больше и больше назначать на заводскія работы пришлыхъ вольнонаемныхъ работниковъ. Ихъ довольно много жило въ нашемъ заводѣ еще и при крѣпостномъ правѣ, но прежде ихъ только терпѣли, а теперь ихъ стали приглашать. Прежде ихъ употребляли больше на поденныя работы, или на дожду (работы на дожди считалась самою грязною; изъ мѣстныхъ заводскихъ работали здѣсь лишь штрафованные въ видѣ наказанія, да тѣ, кто особенно неисправно и бѣдно жилъ), теперь ихъ начали употреблять и въ другія заводскія дѣйствія. Наконецъ, въ Омутнинскій заводъ начали приходить толпами изъ уральскихъ заводонъ, Павловскаго, изъ Нытвы, Холуницы, Кирса, Кайма и др.

Приходившіе были не крѣпостные, но вольнонаемные рабочіе и на своихъ заводахъ. Нашъ заводъ имъ обязанъ многимъ; между прочимъ, очерскіе рабочіе построили листокатальную и досчатую печи, а нытвинцы — кричные горны, благодаря имъ же были перестроены домны и ежедневная выплавка чугуна на нихъ была почти удвоена, съ 400—500 пуд. домна ежедневно стала выплавлять до 700—800 п

Благодаря имъ, было предупреждено и самое закрытіе завода, что случилось бы непременно при отказѣ нашихъ рабочихъ отъ заключенія условій.

Однако, пришлый народъ былъ не то, что мѣстный; большая часть такихъ рабочихъ приходила временно, безъ семей; къ каждому изъ большихъ праздниковъ они уходили домой, а по платятъ почти никто изъ нихъ не оставался у насъ. Занову, пока они не переселялись къ намъ на постоянное жительство, нельзя было полагаться и на нихъ.

По истеченіи двухъ лѣтъ съ манифеста 19 февраля 1861 г. и по прекращеніи временно-обязаннаго состоянія, ровно 20 февраля 1863 г. старшина Сорокинъ съ рабочими въ числѣ до 100 человекъ явился въ контору, и тамъ рабочіе заявили, что они теперь вольные, что работать по платамъ конторы больше не намѣрены, а будутъ работать только по платамъ, назначеннымъ ими самими.

При появленіи толпы рабочихъ управляющій Новиковъ совѣтъ было перетрусилъ. Но рабочіе вели себя сдержанно и чинно, говорили не разомъ многіе, а по одному; чаще въ разговоры съ Новиковымъ вступалъ Сорокинъ и рабочіе только поддакивали послѣднему. Соглашенія на предложенныя рабочими платы не состоялось, управляющій признавалъ ихъ разорительными для завода.

Рабочіе ушли, заявивъ, что работать на прежнихъ условіяхъ конторы они больше производить не будутъ, какъ не будутъ и подписывать условій конторы, посланныхъ ею всего за день предъ этимъ въ волостное правленіе.

Въ тотъ же день, 20 февраля вечеромъ, по постановленію этихъ делегатовъ рабочихъ заводск. десятка, оповѣстили всѣхъ мастеровыхъ, чтобы съ утра 21 февраля никто не осмѣливался, подъ опасеніемъ штрафа, выходить на заводскія работы и даже на дожу.

Контора перепугалась и, донесъ обо всемъ этомъ мировому посреднику и горному исправнику, просила ихъ немедленно прибыть на заводъ „водворить порядокъ“. А къ волостному правленію обратилась теперь уже какъ къ ближайшей правительственной власти, прося ее „принять неотложныя мѣры къ отвращенію безпорядковъ“.

На самомъ дѣлѣ никакихъ безпорядковъ на заводѣ не было. Контора и рабочіе вступали только въ новую жизнь, между ними начинали слагаться новыя отношенія, о которыхъ контора безъ ужаса не могла себѣ и представить. Начинались тѣ отношенія наемника къ нанимателю, которыя почему-то называютъ „свободными“. Эту „свободу“ мы поняли очень скоро, когда увидѣли, что у насъ кромѣ голодныхъ желудковъ нѣтъ ничего, а въ рукахъ конторы и капиталъ, и право распоряженія работами, а въ заключеніе на ея сторонѣ очутилась и власть. Она дѣйствительно была свободна брать что угодно изъ насъ, на какую угодно работу и по какой угодно

платѣ.

Съ 21 февраля работы, кромѣ домны, сами собой прекратились и по требованію конторы заключать условія и по наряду рабочихъ делегатовъ.

Многіе по окончаніи временно обязанныхъ отношеній теперь кинулись на сторону, потѣхали искать гдѣ лучше, кто на уральскіе заводы, кто искать земли для крестьянскаго хозяйства. Послѣдніе чаще ѣхали почему-то въ Челябину и вскорѣ начали вызывать туда другихъ, расхваливая имъ крестьянскую жизнь въ Челябинскомъ уѣздѣ.

А на заводѣ дѣла становились все хуже и хуже. Контора теперь на всѣ главные работы допускала только пришлыхъ рабочихъ, и отъ мѣстныхъ продолжала требовать заключенія условій; рабочіе стояли на своемъ и не подписывали ихъ.

Съ 1 марта контора прекратила выдачу рабочимъ пайка. Эта мѣра была рѣшительнѣе уговорить и застрашиваній. При санной дороге еще былъ подвозъ хлѣба изъ сосѣднихъ деревень и цѣны на него стояли не высокія. Народъ перебивался кое какъ, хотя было и тяжело. Много разъ ходили къ управляющему и требовали немедленной выдачи имъ штатнаго провіанта на два льготные мѣсяца, до 19 апрѣля 1863 г., много разъ писали жалобы на контору за пріостановку пайка. Но ничего не помогало. По нашему мнѣнію всѣ, кто работали на заводѣ въ крѣпостномъ состояніи, должны были получать паекъ, тѣмъ болѣе вдовы и сироты. Послѣ долгихъ настояній и жалобъ Сорокина, заводъ началъ выдавать пайки только халѣкамъ и безпомощнымъ. О нихъ прямо говорилось и въ законѣ.

— Мы разобьемъ ваши хатѣзины, пугнулъ какъ то разъ заводскаго приказчика мастерской Чадяевъ. Възъ этакъ вы съ голоду уморите насъ.

Послѣ этого контора неслѣ усилила караулы и стражу въ нихъ назначала только изъ пришлыхъ рабочихъ. Управляющій заперся дома, нигде не выходилъ и съ докладами принималъ къ себѣ только одного приказчика. Черезъ нѣкоторое время и у приказчика подошли на покосѣ сѣно. Это еще больше встревожило заводоуправленіе, но на уступки оно всетаки не шло, его поддерживали пришлые рабочіе. Между тѣмъ недостатокъ въ хлѣбѣ чувствовался сильный. Многіе изъ рабочихъ говорили уже о заключеніи условій.

— Погодите, Богъ милостивъ; можетъ, проживемъ и своимъ хлѣбомъ, объявилъ какъ-то намъ куренщикъ Леонтій Рябовъ. Это былъ самостоятельный мужикъ, умѣлъ конить деньги и про черныи день скопилъ ихъ не мало. Его всѣ уважали, но онъ держался отъ міра какъ-то въ сторонѣ. Зимою же онъ втихомолку закупалъ хлѣбъ.

— Мы найдемъ хлѣбъ и безъ конторы. Приходите, православные, у меня хлѣба припасено достаточно, по своей цѣнѣ булу отпу-

скаты; кто можетъ—плати теперь, кто не можетъ,—подожду.

У него было заготовлено больше тысячи пудовъ, но чрезъ двѣ—три недѣли ихъ уже не было—все разобрали и большею частью въ долгъ. Это, быть можетъ, спасло нашихъ рабочихъ отъ многихъ необдуманныхъ поступковъ, но это же побудило и контору настаивать болѣе на непремѣнномъ заключеніи условій.

И вотъ чрезъ три—четыре недѣли остановки, заводское дѣлство снова было пушено въ ходъ; но теперь рабочимъ была объявлена плата ниже той, какая предлагалась въ годовыхъ условіяхъ конторы.

Предъ пасхой (1863 г.), когда пришлое рабочіе обыкновенно уходять домой, наши задумали—было забастовкой попытаться поднять рабочій платы. На послѣдней недѣлѣ великаго поста, когда на дому были наружены уже заводскіе рабочіе, они потребовали тройныя цѣны, а то грозили уйти съ работы. Домну останавливать было нельзя, а по новому наряду никто бы не явился, и конторѣ теперь пришлось уступить и согласиться на всѣ ихъ условія. Однако, эти платы продолжались не долго: скоро подошли посторонніе рабочіе и дѣло опять пошло по старому.

Во всѣхъ этихъ угрозахъ и забастовкахъ обвиняли все того-же старшину Сорокина. И надо правду сказать, контору онъ доѣзжалъ не хитрымъ такъ катаньемъ. Онъ задумалъ было остановить домну; во время самой Христовой заутрени Сорокинъ явился на домну и потребовалъ остановить работы, указывая, что по закону въ большіе праздники работъ не производится; но его уговорилъ явившійся во время приказчикъ да и сами рабочіе.

Лѣтомъ 1863 года по требованію губернатора Сорокинъ былъ отданъ подъ судъ и устраненъ отъ должности. На дѣлѣ это оказалось не такъ то легко исполнить. Рабочіе не хотѣли разставаться съ нимъ и на требованіе мирового посредника Казаконъ выбрать ему члѣнствителя отличалъ отказомъ, ссылаясь на то, что Сорокинъ удаленъ только на время слѣдствія, т. е. временно, и слѣдовательно, долженъ быть избранъ кандидатомъ изъ старшинъ. Тогда Казаковъ посадилъ намъ своего старшину безъ выборовъ, бывшего около 10 лѣтъ въ крѣпостное время заводскимъ полицейскимъ, Максима Матвѣича Горбунова. Пренде заводъ содержалъ свою полицію въ видѣ конныхъ стражниковъ (казаковъ).

Полицейскіе дѣлѣ не пользовались почетомъ, а у насъ ихъ прямо не терпѣли. Максимъ же Горбуновъ и изъ числа полицейскихъ оставилъ по себѣ особую ненависть среди населенія своимъ пьянствомъ, вздорнымъ характеромъ и бахвальствомъ. Теперь пошли совсѣмъ иные порядки: волостной старшина изъ самостоятельнаго начальника снова по старой памяти превратился въ конторскаго полицейскаго комиссара. Максимъ не разбиралъ ни общественныхъ правъ,

ни обязанностей, а действовать по указанію конторы. Арестантская у него всегда была полна, а сторожа не могли напасаться розогъ. Порокъ онъ по собственному усмотрѣнію или указанію конторы; приговоронъ схода или волостного суда онъ не дожидался.

Около полутора лѣтъ мы переносили этого злодѣя и вѣроятно за такое терпѣніе Богъ сжалился надъ нами. Максимъ попалъ подъ судъ за участіе въ убійствѣ кого-то и болѣе не появлялся къ намъ. Народъ легко вздохнулъ.

Послѣ него у насъ началось между-царствіе. Мировой посредникъ былъ новый (Хардинъ); этотъ уже не рѣшался больше назначать старшину безъ общественныхъ выборовъ; и теперь за старшину остался сначала кандидатъ его Иванъ Яковлевичъ Моховъ, но его скоро смѣнили за безпорядки; тогда заступилъ помощникъ старшины Леонтій Птицынъ. А тутъ скоро подошло и время выбора новаго старшины. 3 іюня 1866 г. общество почти единогласно выбрало брата прежняго старшины Митрофана Лаврентьевича Сорокина, а кандидатомъ къ нему Федора Прохоровича Веселухина.

Посредникъ не утвердилъ этого приговора, а почему — неизвѣстно.

Временно исправлять должности поручено было прежнему Леонтію Птицыну.

— Если не хошь принять въ чужомъ пиру похмѣлья, то уходи съ Богомъ, сказали ему на первомъ-же сходѣ выборщики.

И Птицынъ тотчасъ-же подалъ посреднику просьбу объ увольненіи его отъ должности. „Не избранный сходомъ, а говорить, не имѣю права быть старшиной“ и, не дожидая распоряженія посредника, сложилъ съ себя обязанности. Теперь управлять волостью сталъ неутвержденный кандидатъ старшины Веселухинъ. Какъ это вышло — не знаю, но только Веселухинъ правилъ долго, а руководилъ дѣлами все тотъ-же Семенъ Лаврентьевичъ. Впрочемъ, теперь попалъ и писарь хорошій, хотя и совсѣмъ еще молодой парень, 21 года, Василій Никитичъ Горшковъ.

Писаремъ онъ поступилъ еще ранѣе Веселухина, тотчасъ же по увольненіи Максима Горбунова, и приглашенъ былъ къ намъ изъ Залазы кандидатомъ старшины Моховымъ; тамъ онъ года два предлѣтъ служилъ тоже писаремъ, но за что-то былъ уволенъ.

Писарь Горшковъ скорѣе становится вторымъ важнымъ лицомъ въ нашей волости послѣ Сорокина; въ него такъ же стали вѣрить, какъ и въ бывшаго старшину.

Съ появленіемъ его волостное начальство опять становится самостоятельнымъ къ конторѣ, не только итучаетъ ее отъ „предписаній“ и „требованій“, а само дѣлаетъ ей „предложенія“; изъ оборонительнаго положенія заняло опять наступательное.

Началось это вотъ съ чего. Рабочіе чрезъ волостное правленіе

жаловались, что запасчикъ (смотритель провіантскаго магазина) обиживалъ ихъ. Отпуская имъ муку, онъ вѣсилъ ее въ вѣшкахъ, причемъ на вѣшки не давалъ походу. Свою жалобу мастеровые одновременно послали и губернатору. Это сильно задѣло управляющаго, такъ какъ запасчикомъ былъ его родной братъ И. А. Новиковъ. Контора опять стала разыскивать подстрекателей, а въ волостное правленіе написала, чтобы оно послало кого-либо изъ довѣренныхъ наблюдать за развѣской хлѣба въ провіантскій магазинъ. Правленіе считало, что временное наблюдение бесполезно, а на постоянное не имѣло людей; поэтому никого не посылало.

Послѣ этого раздраженіе съ обѣихъ сторонъ только увеличилось и каждая старалась подставить ножку другой. Такъ контора жалуетса посреднику на то, что правленіе не сдерживаетъ быструю ѣзду по улицамъ, хотя объ этомъ она, контора, и не разъ дѣлала правленію предложенія. Правленіе съ своей стороны ходатайствовало о платѣ, которую до сихъ поръ не получали мастеровые отъ конторы за тушеніе лѣсныхъ пожаровъ, при чемъ для такого тушенія стали выгонять въ лѣсъ и конторскихъ служащихъ (они до сего времени отъ такой повинности уклонялись), или опять правленіе назначало ихъ на разныя должности, отбываемыя натурой; напримѣръ, выбирало въ сотскіе и десятскіе, или въ сторожа въ правленіе; въ одно время сотскимъ былъ назначенъ даже заводскій надзиратель А. П. Голубевъ, но контора не допустила исполненія.

Попали жалобы къ посреднику. Контора выгораживала своихъ служащихъ и успѣвала въ этомъ.

Посредникомъ въ это время былъ уже не Хардинъ, а Сунгуровъ. По своей-ли волѣ, или по приказанію высшаго начальства онъ перешагнулъ на житѣе къ намъ въ заводъ и сразу же всталъ беззащитничиво на сторону конторы, отъ которой открыто пользовался готовой квартирой, дровами, пошадью и вообще жилъ на всемъ готовомъ отъ конторы. Конечно, намъ было извѣстно, что и другіе въ уѣздѣ чиновники тоже кое-чѣмъ пользовались отъ завода; мы знали, напримѣръ, для кого изготовлялись цѣлые обозы съ желѣзными полѣлками, отправляемыми въ Глазовъ. Мы знали, что каждый пріѣзжій горного исправника дорого обходился заводу. Въ шутку-ли, въ правду-ли говорили, что горнымъ исправникамъ полагалось 300 р. жалованья законныхъ, да 3000 р. незаконныхъ; значитъ, имъ нужно было платить и отъ завода. А посредники получали больше жалованья отъ казны, поэтому нахлѣбничество ихъ у завода казалось зазорнымъ. Сунгурову у насъ народъ не довѣрялъ, и съ пріѣздомъ его къ намъ начались у насъ смуты, которыя разрѣшились вызовомъ солдатъ.

Сунгуровъ прежде всего строжайше предписалъ правленію немедленно же исполнять всѣ требованія конторы и освободилъ кон-

торскихъ служащихъ отъ натуральныхъ повинностей. Сходъ рѣшилъ искать приады дальше и о подчиненіи конторскихъ служащихъ вѣдѣнію правленія подалъ жалобу въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Присутствіе растолковало дѣло въ нашу сторону.

Также искорѣ по пріѣздѣ въ заводъ Сунгуровъ уволилъ изъ старшинъ Федора Веселухина (онъ былъ избранъ въ кандидаты старшины, но не былъ утвержденъ потому будто-бы, что принадлежалъ къ раскольникамъ) и строжайше предписалъ Леонтію Птицину заступить его мѣсто. Общество наило такое требованіе незаконнымъ, снова постановило избрать кандидатомъ въ старшины Веселухина и ему поручило замѣщать не утвержденнаго Сорокина.

Сунгуровъ не уважилъ приговоръ общества и снова преднесалъ правленію, чтобы Веселухинъ, а также и писарь Горшковъ не медленно сложили съ себя обязанности. Теперь уже указывались вины ихъ: ими былъ выданъ неправильно видъ временно проживавшему въ заводѣ М. И. Бастрыгину (смотритель рудниковъ), состоявшему вмѣстѣ съ Максимомъ Горбуновымъ подъ судомъ за убійство.

Сходъ не хотѣлъ разставаться съ ними и постановилъ: „уволиить никакъ не желаемъ, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ противозаконныхъ дѣйствій по службѣ никогда не замѣчали, вели они себя честно и благо нравственно, почему всенижайше просимъ его высокоблагородіе мирового посредника, Веселухина и Горшкова отъ суда освободить и утвердить въ занимаемыхъ ими должностяхъ“.

Сунгуровъ не уважилъ просьбы схода и рѣшилъ посадить къ намъ опять назначеннаго, а не выборнаго старшину. Такимъ онъ назначилъ конторскаго служащаго Трофима Леонтьевича Горбунова, а Горшкова предполагалъ замѣнить помощникомъ его И. В. Голубевымъ. Объ этомъ и написалъ въ волостное правленіе.

На Максимѣ Горбуновѣ общество уже испытало разницу между назначеннымъ и выборнымъ старшиной, поэтому при первомъ же извѣстіи о новомъ назначенномъ старшинѣ оно собралось на сходъ и постановило принести въ губернское присутствіе жалобу на посредника и избрало для ходатайства предъ губернскимъ начальствомъ о возстановленіи порядка въ волостномъ правленіи слѣдующихъ довѣренныхъ: Савелья Масленникова, Дежьяна Сорокина, Міана Фролова, Андрея Полякова, Савелья Губина, Трофима Патракова, Федора Михайлона, Физиппа Варошина, Епифана Перепехина, Феохтиста Полякова, Леонтія Рябова, Епифана Кокорина, Матвѣя Паусона, Леонтія Птицина, Лукіана Чадаева, Ивана Курбатова и Афанасья Чадаева.

Въ своей жалобѣ губернскому присутствію они указываютъ на неудавшійся уже опытъ назначенія посредникомъ старшину. „Всѣ

должностныя лица нашей Омутнинской волости, писалъ они, всегда избирались обществомъ, кромѣ одного старшины Максима Горбунова, назначеннаго мировымъ посредникомъ Казаковымъ, и онъ, Горбуновъ, вскорѣ оказался уголовнымъ преступникомъ. О новомъ назначенномъ старшинѣ они пишутъ, что Трофима Горбунова общество не желаетъ, во 1-хъ, потому, что онъ холостой, во 2-хъ, потому, что больной, и въ 3-хъ, потому, что по роду заводской службы онъ будетъ мало заниматься общественными дѣлами, будучи отвлеченъ на заводскую службу. Они указываютъ, что общество съ своей стороны упорства не показывало, такъ какъ послѣ извѣщенія губернскаго присутствія о неутвержденіи старшиною Семена Сорокина, они по предложенію посредника избрали новое лицо—Митрифана Лаурентіева Сорокина, но и этого посредникъ не утвердилъ, а почему?—они того не знаютъ.

На ходатайство этихъ повѣренныхъ отѣтъ не было, между тѣмъ у Трофима Горбунова вскорѣ послѣ назначенія его въ старшину сторило два зарода сѣна, а затѣмъ была подожжена баня. Трофимъ Горбуновъ тотчасъ же подалъ просьбу объ увольненіи его. Сунгуровъ видѣлъ, что при такомъ оборотѣ дѣла невозможно будетъ удержаться назначенному старшинѣ и временно уволилъ Трофима Горбунова и предписалъ избрать на время его „болѣзни“ кандидата въ старшины. Общество избрало Петра Полякова, который и вступилъ (5 сентября 1886 г.) въ отправленіе своихъ обязанностей.

Лѣто и осень этого года были самыми тревожными. Съ выборами заодно обсуждался вопросъ о земскихъ сборахъ,—платить или не платить ихъ. Уставная грамота нашими довѣренными не была подписана, а потому считалось неправильнымъ и обложеніе насъ земскимъ сборомъ, хотя ихъ было тогда немного, всего 340 руб. (по 8 к. съ 3000 дес.). Сходки мастеровыхъ по этому случаю, а большіе изъ-за волостныхъ выборовъ происходили очень часто; сначала они запросто собирались въ волостномъ правленіи, а затѣмъ, когда Сунгуровъ началъ ихъ преслѣдовать и сидѣть за тѣмъ, кто бываетъ и разговариваетъ на нихъ, ихъ стали собирать въ частныхъ домахъ. Особенно часто сходились на квартирѣ Горшкова, въ домѣ Масленникова; иногда сходки бывали въ огородѣ.

Горшковъ, несмотря уже на второе строгое предписаніе сдать должность и дѣла помощнику своему, продолжалъ оставаться писаремъ и ключи отъ правленскихъ шкафовъ съ дѣлами держалъ у себя. Обществу много разъ на сходѣ заявляло ему, что они не желаютъ его отпускать отъ себя, имъ довольны и что другого писаря къ себѣ не примутъ. Особенно обществу нравилось, что онъ не даетъ спуска конторѣ. Горшковъ разъяснилъ, что контора частное учрежденіе, а волостное правленіе—правительственное и потому контора

должна подчиняться правленію. Поэтому въ контору онъ писалъ предписанія и требованія.

Мировой посредникъ, явля непочиновеніе волостныхъ начальниковъ, просилъ губернатора о вызовѣ въ Омутнинскій заводъ уѣздной полиціи. Первыми явились становой и помощникъ исправники Юраго. Потребовали послатъ къ себѣ всѣхъ сотскихъ и десятскихъ, но ихъ не оказалось. Послѣ Максима Горбунова и послѣ того, какъ посредникъ не сталъ утверждать на эти должности выбранныхъ сходомъ конторскихъ служащихъ, общество рѣшило совѣмъ не избирать никого, ограничиваясь наемными разсыльными. Юраго предписалъ избрать сотскихъ тотчасъ же, а въ это время чрезъ станового вызывалъ нѣсколько сотскихъ десятскихъ изъ сосѣднихъ крестьянскихъ волостей.

Сунгуровъ рѣшилъ воспользоваться прїѣздомъ полиціи, чтобы избавится и отъ Горшкова. Къ этому времени какъ разъ пришла бумага отъ губернатора объ утвержденіи Трофима Горбунова старшиной. Посредникъ предписалъ Полякову и Горшкову приготовить дѣла къ сдачѣ, при чемъ добавлялось, „чтобы съ завтрашняго дня не было въ правленіи никакихъ крестьянъ, возмущающихъ общество и не повинующихся законнымъ властямъ“.

Горшковъ и на этотъ разъ не явился въ правленіе для сдачи дѣлъ. Посредникъ послалъ сотскихъ розыскать и привести его. Заводскіе сотскіе ушли и не явились; пришлось послать стражу, назначенную Юраго изъ сосѣднихъ волостей. Горшкова не оказалось дома. Общественники скрыли его въ Малаговѣ. Какъ только узнали, что посредникъ послалъ арестовать Горшкова, всѣ насторожились. На второй день Горшкова нашли въ Малаговѣ и оттуда подъ командой полицейскаго Ладетина сотскіе везли его въ заводъ. Мимо заводскихъ строеній и фабрикъ по плотинѣ его пролодили какъ разъ въ то время, какъ конторскій колоколъ ударилъ къ обѣду. Рабочіе высыпали съ завода, но, увидавъ Горшкова съ сотскими, едва не всѣ пристали къ этому шествію и пошли за нимъ. Проводя мимо квартиры Сунгурова (домъ Николая Филиппа Горбунова), сотскіе думали-было завести своего арестанта сюда, но толпа не допустила этого. Иванъ Паксовъ такъ сильно ударилъ полицейскаго Ладетина, что у того зубъ вылетѣлъ, а самъ онъ упалъ.

— На какое кресло мы его избрали, на то и должны привести, но арестовать не дадимъ; не для того мы его избрали. кричали къ толпѣ и провели его до волостного правленія.

Здѣсь самъ собою устроился сходъ изъ пришедшихъ мастеровыхъ, которые рѣшительно заявили, что писаря ни арестовать, ни смѣнить не дадутъ. Въ виду этого посредникъ не рѣшился уже тотчасъ же потребовать отъ Горшкова сдачи дѣлъ, не говоря уже о томъ, что объ арестѣ его нечего было и думать.

Юраго къ этому времени уже уѣхалъ. О происшествіи съ Горшковымъ тотчасъ-же было дано знать губернатору и исправнику. Исправникъ Максимовичъ не заставилъ себя долго ждать. Пріѣхавъ въ заводъ и видя полнѣйшее спокойствіе, онъ считалъ сначала нѣсколько преувеличеннымъ опасеніе Сунгурова насчетъ безопасности и общественнаго порядка. Однако, Горшкова все-таки поручилъ арестовать незамѣтно отъ мастеровыхъ; но какъ только они узнали объ арестѣ его, нѣсколько человекъ явились на квартиру къ исправнику.

Исправникъ пріѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ, которымъ на случай были даны особыя инструкціи. Исправникъ началъ убѣждать рабочихъ въ незаконности ихъ поступковъ, выразившихся въ отказѣ платить земскія повинности и въ защитѣ писаря Горшкова. Особенно долго онъ уговаривалъ мастерового Логинова. Это былъ упорный и неподатливый мужикъ; на словахъ онъ не стѣснялся говорить громко и выражать свои мысли открыто. Максимовичъ началъ убѣждать его, что требованіе посредника о земскихъ повинностяхъ, о писарѣ и старшинѣ законно и что ихъ упорство есть неповиновеніе власти и законамъ. Логиновъ, ни мало не смущаясь, заявилъ ему:

— Власть только на небѣ, а законъ вы носите на своихъ пуговицахъ.

Максимовичъ прикрикнулъ на него за такую дерзость, но тотъ не смущаясь подошелъ къ исправнику и, взявъ его за пуговицы сюртука, продолжалъ указывать ему на законъ, скрытый въ пуговицахъ. Максимовичъ перетрусилъ и закричалъ о помощи. На его крикъ изъ передней явились полицейскіе, и Логиновъ былъ тотчасъ-же скрученъ. Въ сѣняхъ стояло еще нѣсколько мастеровыхъ, вызванныхъ къ допросамъ; изъ нихъ Епифанъ Кокоринъ, услыжавъ возню въ передней и крикъ Логинова, выскочилъ къ нему на помощь, но также былъ скрученъ. Связаннаго Логинова довольно сильно избили...

Этотъ случай такъ сильно напугалъ Сунгурова и исправника, что они сейчасъ-же составили докладную записку губернатору, прося его о немедленной присылкѣ военной силы. Положеніе дѣла въ заводѣ рисовалось ужаснымъ. Между тѣмъ въ заводѣ, на работахъ и среди населенія все шло по старому, только сходки шли своимъ чередомъ. Горшкова уже не было въ правленіи, онъ былъ удаленъ безъ сдачи дѣлъ, временно былъ назначенъ Иванъ Васильевичъ Голубевъ.

Заводоуправленіе начало предпринимать различныя предосторожности. Вездѣ у квартиръ управляющаго, посредника и около конторы была поставлена усиленная стража, въ особенности по ночамъ. Около квартиры, гдѣ жилъ управляющій и посредникъ, ночная стража состояла изъ 20—30 человекъ, раздѣленныхъ на двѣ партіи, ко-

тории ходили одна на встрѣчу другой. Эта стража состояла не изъ мѣстныхъ жителей, а изъ вольнопроживающихъ. На жѣстныхъ на стеровыхъ теперь уже не полагались. Около посредника находился усиленный составъ сотскихъ, набранныхъ также въ другихъ волостяхъ.

Донесеніе Сунгурова и Максимовича было послано какъ разъ съ тѣмъ полицейскимъ Лалетинымъ, которому Иванъ Паюсовъ вышибъ зубъ у квартиры посредника. Лалетинъ потомъ рассказывалъ, что когда губернаторъ разспрашивалъ о бунтѣ, то онъ не зналъ, что умѣ рассказать и сочинилъ исторію о томъ, какъ рабочіе выбѣжали изъ фабрикъ съ желѣзными полосами и молотами и угрожали всѣхъ перебить.

Губернаторъ распорядился тотчасъ-же выслать двѣ роты солдатъ ревельскаго полка въ количествѣ 360 человекъ, подъ командою четырехъ офицеровъ. До самаго прихода солдатъ рабочіе ничего объ этомъ не знали.

О движеніи солдатъ въ заводъ узнали только въ то время, какъ они съ тракта своротили на волокъ по дорогѣ между Омутнинскимъ и Пудожскимъ заводами. Это извѣстіе поразило всѣхъ. Теперь стали совѣтоваться о томъ, какъ встрѣтить солдатъ. Совѣщанія происходили и днемъ, и ночью, въ избахъ и въ баняхъ. Прежде всего рѣшено было не выдавать начальству никого изъ своихъ. Если будутъ требовать зачинщиковъ, то одинъ отвѣтъ: всѣ заодно шли.

Въ это-же время руководители вырѣшали вопросъ, какъ поступать теперь, къ кому обращаться за правосудіемъ. Было рѣшено, чтобы Леонтіи Рыбовъ и Федоръ Веселухинъ съѣздили скорѣе за совѣтомъ въ Петербургъ къ Александру Федоровичу Веймару, который былъ уже теперь сенаторомъ и о которомъ у народа сохранились самыя хорошія воспоминанія, относящіяся ко времени содержанія имъ заводовъ въ арендѣ. Быстро были собраны деньги на дорогу и выборные отправились. Солдатъ они встрѣтили на волоку между заводами Пудожомъ и Омутной.

Въ Петербургѣ увидѣли они Веймара, но лишь только рассказали ему все, что творится теперь въ заводѣ и на чемъ они предположили стоять, какъ Веймаръ посоветовалъ имъ тотчасъ-же возвратиться въ заводъ, уговорить рабочихъ повиноваться властямъ, и никому ни о чемъ въ Петербургѣ просьбъ не подавать, иначе, говорить, васъ эзберутъ и отправятъ по этапу.

Почти тѣмъ-же заворотомъ они отправились обратно и объ этой ихъ поѣздкѣ не было извѣстно ни слѣдователямъ, ни суду.

Приходъ солдатъ былъ явленіемъ необычайнымъ. Любопытные ходили встрѣчать ихъ до мосту на р. Песчанкѣ, за 2 версты отъ завода. Завсѣхъ солдаты, ѣхавшіе на подводахъ, были встрѣчены офицерами. пріѣхавшимъ въ заводъ задолго прежде солдатъ, и жандарм-

скимъ капитаномъ Гусевымъ, выхваченнымъ сюда вмѣстѣ съ управляющимъ. Солдаты, съ заряженными ружьями на плечѣ и штыки готовые къ бою, двинулись въ заводъ.

Во время солдатскаго шествія рабочіе продолжали спокойно работать каждый на своемъ мѣстѣ. Шествіе солдатъ по селенію (Малагово) надѣлало переполоху немало. Рѣдкіе рѣшались выглядывать за ворота и даже въ окна осмѣливались глядѣть только изъ-за косяковъ; ребята съ испугу бѣжали и прятались въ бани, на сѣновалахъ и въ прочихъ мѣстахъ.

Солдаты остановились у конторы, и командовавшій ими офицеръ Алачонъ поставилъ ихъ развернутымъ строемъ, лицомъ къ конторѣ. Эта въ первый разъ увидѣнная солдатская колонна, моментально исполнявшая команду офицера, при чемъ слышенъ былъ только лязгъ ружей, произвела сильное впечатлѣніе на народъ, котораго теперь собралось сюда уже довольно много.

Солдатъ ожидали старшина, староста, сотскіе, деситскіе и вообще всѣ общественныя должностныя лица. Черезъ посредника и ставного имъ еще ранѣе приказано было составить списокъ общественниковъ и теперь они должны были разводить солдатъ по квартирамъ, куда сколько было назначено мировымъ посредникомъ, согласно указаній управляющаго. Квартиры назначили не у всѣхъ, а лишь у тѣхъ, кто по мнѣнію посредника и управляющаго являлись руководителями и главными участниками безпорядковъ. Къ болѣе виновнымъ и солдатъ разставлялось больше. У нѣкоторыхъ было поставлено по 3 по 7 солдатъ. Хозяева должны были довольствоваться своими квартирантовъ всѣмъ.

Солдаты были требовательны и обращались грубо. Гдѣ не исполнили ихъ требованій относительно пищи, тамъ они собственно-ручно расправлялись съ хозяйскими яицами, масломъ, курицами, овечками... Жалобы на нихъ не принималось. Съ другой стороны, жалобы солдатъ на своихъ хозяевъ волостное начальство немедленно должно было разбирать и удовлетворять просителей.

Разъ Демьянъ Гер. Мечевъ, набранный тогда въ кандидаты къ старшинамъ, прогналъ отъ себя солдатъ, прибѣжавшаго къ нему глухою ночью съ какой-то жалобой на своего хозяина. За это онъ едва не заплатилъ арестомъ и только заступничество мирового посредника спасло его. Солдаты были разставлены точно на военный постой и благодаря этому многія хозяйства были разорены. Жители, у которыхъ квартировали солдаты, не получили ни какого вознагражденія за содержаніе ихъ, хотя офицерами и были изъ казны получены деньги на содержаніе солдатъ и себя.

Только на другой день по приходѣ солдатъ былъ сходъ у конторы. Солдаты были выстроены развернутымъ строемъ и стояли лицомъ къ конторѣ, волостной сходъ стоялъ толпой противъ коннаго

двора, въ промежуткѣ стояли конторскіе служащіе, а отдельно отъ нихъ начальство и офицеры. Солдаты были вооружены.

— Шапки долой! на колѣни! вдругъ закричалъ посредникъ. Рабочіе повиновались: сняли шапки и встали на колѣни. Затѣмъ приказано было просить прощенья. Изъ тысячной толпы послышалось громкое борхотанье „просимъ“, „виноваты“. Тутъ были помянуты намъ всѣ наши провинности.

Послѣ этого началось формальное стѣлстіе. Привлеченныхъ была масса, хотя рабочіе придерживались слишкомъ крѣпко правила: „не выдавай своихъ“. Большая часть свѣдѣній о тайныхъ сходахъ были получены или отъ вольнопроживающихъ, или отъ заводскихъ служащихъ.

Главными виновными оказались, конечно, бывшій старшина Семень Сорокинъ и кандидатъ его Федоръ Веселухинъ, бывшій писарь Горшковъ, затѣмъ мастеровые Рыбовъ, Кокоринъ и много другихъ. Суду вятской уголовной палаты (старой) были преданы лишь главные виновники, остальныхъ рѣшено подвергнуть административному наказанію. 60 слишкомъ человекъ по приказанію мирового посредника было приговорено волостнымъ судомъ къ розгамъ.

Производство этой казекціи выпало на долю становаго пристава И. И. Власова, который и производилъ ее постепенно на дворѣ своей квартиры въ домѣ Я. Фил. Мохова.

Долго потомъ бабы и ребята боялись проходить мимо этого допотопитнаго дома, который какъ бы по указанію самой судьбы въ продолженіи потомъ почти трехъ десятиль дѣлъ снимался въ наими только станowymi и изрѣдка кѣмъ нибудь другимъ. Нынѣ памятникъ этого позора срытъ и на мѣстѣ его земствомъ выстроены прекраснѣй домъ подъ 2-хъ классную министерскую школу.

Остальные, какъ зачинщики и руководители въ этомъ дѣлѣ, судились въ Вяткѣ; трое или четверо изъ нихъ — С. Л. Сорокинъ, Ф. П. Веселухинъ и Горшковъ — приговорены были къ арестантскимъ ротамъ, и нѣсколько — къ тюремному заключенію.

По отбытіи наказанія всѣ эти лица вернулись, конечно, въ свой заводъ, но въ продолженіи потомъ болѣе десяти лѣтъ были устранимы конторой отъ всякихъ работъ и занятій. А главное дѣйствующее лицо, С. Л. Сорокинъ до самой смерти (онъ умеръ въ іюнѣ 1894 г.) не получалъ службы на заводѣ и умеръ, такимъ образомъ, безъ примиренія съ конторою. Зато всѣ, кто судился съ ней, искалъ что нибудь противъ нея, всѣ находили къ немъ самаго раннѣйшаго сояѣтника и неутомимаго защитника. Постояннымъ его занятіемъ, кромѣ домохозяйства была торговля; ей же посвятилъ себя подъ конецъ жизни и Ф. П. Веселухинъ, умершій въ 1898 г. Горшковъ по отбытіи наказанія жилъ въ Залазинскомъ заводѣ и померъ

енке въ началѣ 90-хъ годовъ. Могиновъ умеръ также въ 90-хъ годахъ, но былъ все время упоминаясь.

Приходъ солдатъ и постой ихъ долго будетъ вспоминаться заводскимъ населеніемъ, и печальная повѣсть объ этомъ обидномъ событіи невольно будетъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе. Событіе это является крупной ошибкой со стороны полицейскихъ властей, посредника Сунгурова и управляющаго Новикова. Не говоря о рабочихъ, даже большинство конторскихъ служащихъ считали призывъ военной силы ничѣмъ не вызваннымъ.

Среди заводскаго населенія не было замѣтно не только какихъ либо массовыхъ нападеній, или угрозъ, или хотя бы даже только пассивныхъ сопротивленій правительственнымъ властямъ, но даже и единичный случай съ Могиновымъ, схватившимъ исправника за пуговицы куртки, говорить только о темнотѣ и грубости этого рабочаго, но ничуть не о враждебныхъ выступленіяхъ его противъ начальства. Да съ этимъ грубіаномъ легко справились два-три находившихся тутъ полицейскихъ. Точно также и съ писаремъ Горшковымъ, не сдававшимъ правленскія дѣла, легко справились и заложго до солдатъ тѣ же полицейскіе.

Что касается постановленій волостнаго схода, то въ нихъ и подавно не было ничего вызывающаго и даже просто несогласнаго съ закономъ. Если сходъ считалъ незаконнымъ распоряженіе посредника назначающаго нежелательнаго сходу старшину, вѣсто избраннаго имъ, то и въ этомъ случаѣ онъ всегда обращался къ посреднику вѣжливо и съ почтительной просьбой. Въ результатѣ все-таки служили только тѣ, кого назначать или утверждать посредникъ, а не тѣ, кого бы желалъ волостной сходъ.

Между тѣмъ введеніе солдатъ отразилось на населеніи и ихъ взглядѣ на общую и заводскую администрацію самымъ нежелательнымъ образомъ. Помимо разоренія многихъ семей, самый фактъ угрозы солдатами въ корни подрывалъ всѣ добрыя отношенія между населеніемъ и заводоуправленіемъ. Теперь это сдѣлалось навсегда двѣ враждующія стороны. Отнынѣ эта вражда не уменьшазась, а только росла, и при всякомъ случаѣ обнаруживалась въ рѣзкихъ и непримиримыхъ формахъ.

П. Голубовъ.
